

ВВЕДЕНИЕ

МИР И РАЗДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Мир — одна из самых важных основ не только общечеловеческой жизни, но, главным образом, жизни церковной.

Наличие мира в жизни Церкви свидетельствует о пребывании в ее недрах всеосвящающей и оживотворяющей благодати Божией и о той любви между членами Церкви, которую принес на землю Господь наш Иисус Христос.

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам» (Ин. 14, 27). — Таково прямое обетование Спасителя мира апостолам, а чрез них и всей Церкви.

Этот мир, воспринятый св. апостолами любовью, чрез вседействующую силу благодати Божией созидал и укреплял Христову Церковь.

Первохристианская община, о которой свидетельствует книга «Деяний свв. апостолов», со всею очевидностью показывает нам действие Христова мира.

«Все же верующие, — говорит Деятели, — были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2, 44—47).

Мир, как видим, созидался любовью. А самый мир способствовал внутреннему и внешнему созиданию церковного организма. Под действием Христова мира у всех верующих было как бы одно сердце, полное единодушие в вере, сердечная простота и духовное веселие. Внутренний мир проявлялся и вовне: все верующие были вместе — вместе в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах; из материального достояния имели все общее, и каждому из этого общего уделялось столько, сколько требовала нужда и необходимость каждого.

Мир созидал, мир очищал молодой организм Церкви от всякой греховной примеси, скрепляя воедино сердца верующих, и сооб-

шал благодатную силу, которая невольно заставляла народ любить Христову Церковь.

Как явный признак истинной жизни во Христе, создаваемой и проявляемой в мире, является неотступное содействие Божественной помощи в обращении язычников в Христову веру. «Господь же, — свидетельствует Деяния, — ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2, 47).

Благодатный мир, царивший в обществе первохристиан, действовал умиротворяюще на сердца языческих народов. Последние, долгое время находившиеся во внутреннем сердечном беспокойстве, искали особого, свыше приходящего мира, и, когда этот мир явился среди христианского общества, они потянулись к этому миру и обрели покой душам своим.

Внутреннее единство членов Церкви без особых внешних доказательств само по себе говорило о пребывании среди христиан Бога. Мир церковный был одним из самых важных факторов проповеди о Христе и о истинности Его учения.

Среди этого мира достигали духовного совершенства подвижники Церкви. Таковы положительные черты церковного мира. Кратко это можно выразить в таких словах: в тихой мирной и благочестивой жизни по вере заключается для нас всякое благо: и временное, и вечное. И по мере того, как мы храним этот мир и соблюдаем заповеди Божии, по мере этого и Господь хранит нас Своим Божественным Промыслом в добром жительстве, соблюдает от греховных преткновений, исполняет во благих желания наши и подает все благопотребное для жизни.

Совершенно иным является разделение. Если мир в Церкви оценивается как положительное явление в жизни церковной, то разделение — как самое отрицательное.

Все, что с таким трудом приобреталось и создавалось в мирной церковной обстановке — все это подвергалось опасности и разрушению при разделении. Если мир свидетельствовал о пребывании Божественной благодати и любви среди членов Церкви, то разделение свидетельствовало о противном: об отсутствии этой благодати и любви. Мир создал церковный организм, а разделение разрушало и уменьшало число пребывающих в Церкви.

Разномыслие в вере и в соблюдении церковных уставов и правил св. Отцов вело к оскудению Божественной благодати и разобщенности, к оскудению благочестия, к потере страха Божия и к препятствию распространения Евангелия Христова.

Церковная история ясно свидетельствует, что церковные разделения отрицательно влияли на жизнь христиан, не только отдельных личностей, но и целых обществ. Одни, под действием разномыслия, оставляли вообще путь спасения и возвращались к прежней своей греховной жизни, другие же, оставляя церковный организм, создавали свои раскольнические и сектантские общества, которые, в свою очередь, сами в себе дробились на мелкие общества, удаляясь все дальше и дальше от истинного пути. История

возникновения ересей, расколов и сектантства — неопровержимое доказательство всему этому.

У нас на Руси в начале XX-го века много печального для Церкви принесло появление обновленческого раскола и других церковных разномыслий.

Под действием этих разномыслий исчезал мир среди верных, иссякала любовь, оскудевала вера, утрачивался страх Божий, не оставалось места послушанию и смиренномудрию, сокращалось действие на человеческие сердца благодати Св. Духа, люди мало проявляли забот о преуспевании в молитвах и внимания к делу своего спасения, к очищению своего ума и сердца от страстей, мало заботились о подвиге доброделания, о духовном совершенстве.

Таковы печальные плоды церковного разделения.

Но как ни печальны плоды этого разделения, тем не менее оно (разделение) возникало в церковной жизни (и может вновь возникнуть и в последующей истории Церкви). Оно имеет свои причины, от которых получает свое непосредственное возникновение, и имеет историю своего развития и углубления.

Изучение этих причин и истории разделения является главной задачей церковных историков.

Это поможет, с одной стороны, своевременно ликвидировать всякие причины к разделению, а с другой — правильно оценивать ход церковных событий в тех или иных условиях общественно-церковной жизни.

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ПАТРИАРХА ТИХОНА В ПЕРИОД ЗАМЕСТИТЕЛЬСТВА МИТР. НИЖЕГОРОДСКОГО СЕРГИЯ

7 апреля н. ст. 1925 года Патриарх Тихон скончался. Бразды правления, как было указано в патриаршем завещании, принял на себя митр. Крутицкий Петр (Полянский). Началась как бы новая страница жизни Русской Православной Церкви под непосредственным управлением сначала Патриаршего Местоблюстителя, а затем Заместителя.

Церковно-общественная обстановка, в которой оказалась Православная Русская Церковь в этот период, была не совсем благоприятной для церковного мира. Прежде всего Патриаршая Церковь продолжала находиться вне правового положения в новом Государстве, и по этой причине она не могла устроить свою церковную жизнь нормально, как того требовало церковно-административное устройство Поместной Церкви. Обычные сессии Священного Синода, предусмотренные апостольскими правилами, отсутствовали совершенно. Управление Церковью Патриаршим Местоблюстителем совершалось хотя и на соборных началах, но единолично. Постепенно вбивался клин внешней разобщенности между Высшей Церковной Властью и российским епископатом.

Естественно, что при таком положении в церковном Управлении не могло быть и речи о нормальной жизни в епархиях и на приходах. Здесь (в епархиях) каждый православный епископ действовал в устройении церковно-приходской жизни по личному своему усмотрению. По личному же принципу определял он (епископ) свое правовое отношение и к новому Государственному строю.

Нормализовать церковную жизнь мог только Русский Православный Собор чрез установление им Высшего Церковного Управления в лице Патриарха и Синода. Но созвать Собор не представлялось возможности. Для этого требовалась легализация Русской Православной Церкви. Легализация же по каким-то неизвестным причинам откладывалась.

В такой обстановке церковной жизни и бесправного положения Русской Православной Церкви легко было действовать вождям

обновленческого раскола. И они, действительно, действовали. И действовали настойчиво и упорно, разрушая единство церковного организма.

Едва только скончался Патриарх Тихон, как обновленческий Священный Синод 11 апреля н. ст. 1925 года обращается с посланием ко всем архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви с призывом оставить всякое разделение, объединиться вокруг Синода и общими усилиями готовиться к предстоящему третьему Поместному Собору¹.

Это была как бы пробная волна, направленная на Патриаршую Церковь, чтобы определить ее мощь и единство. Её (волну) усилил Второй Поместный Всеукраинский Собор, состоявшийся в Харькове во второй половине 1925 года. Последний, признавши многие постановления обновленческого собора 1923 года, направил свои решения на борьбу с «тихоновщиной»².

Обновленчество в своих усилиях против Православия объединялось. Теперь уже не только центр и север России, но и юг Украины встал на путь противоборства главным устоям Православной Церкви. Там же продолжала действовать и липовщина.

Обновленческий Синод усиленно готовился к предстоящему Всероссийскому Собору, намеченному им (Синодом) на октябрь месяц 1925 года.

Были высказаны большие надежды на то, что в деяниях Собора примет участие и тихоновский епископат и что наступит, наконец, долгожданное примирение между обновленцами и тихоновцами. Однако надежды синодалов не оправдались.

Всюду, где только ни побывала делегация, посылаемая Синодом к тому или иному епархиальному епископу с письмами примирения, всюду она встречала полный отказ. Даже те из православных архиереев (как, например, митр. Нижегородский Сергей), на которых больше всего рассчитывали обновленцы, показали полную свою непримиримость к делу обновленческого Синода³.

Сокрушительный удар обновленческим надеждам нанес Патриарший Местоблюститель митр. Петр (Поляиский) своим воззванием от 28 июля 1925 г. ко всей Русской Церкви, в котором он ясно указал, что намечающийся т. н. Поместный Собор будет являться просто-напросто самочинным сборищем и лже-собором и что принимать какое-либо участие православным на этом Соборе не следует, чтобы не погрешить против единства Церкви⁴.

Отказ православных епископов от участия в деяниях намечавшегося обновленческого Собора был расценен обновленцами как нежелание последних (православных епископов) идти на перемирие с Синодом. А это, в свою очередь, послужило как бы основанием для обновленцев считать православных архиереев людьми,

¹ Вест. Свящ. Сян. Прав. Росс. Цер., 1925 г., № 2, стр. 2.

² Вест. Свящ. Сян. Прав. Росс. Цер., 1925 г., № 4, стр. 9.

³ Вестн. Свящ. Сян. Прав. Росс. Цер., 1926 г., № 7, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 5.

стремящимися «навязать Церкви политическую роль охранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождедений»¹.

В начале октября (с 1 по 10) 1925 года состоялся т. н. третий Всероссийский Поместный Собор.

Отношение обновленцев к православной иерархии на этом Соборе определилось в следующем постановлении:

«6. Признавая подобные стремления навязать Церкви несвойственную ей политическую роль, противоречащую ее христианским задачам и религиозной сущности, и считая преступными непрекращающиеся попытки тихоновской иерархии ввергнуть Церковь вновь в водоворот политической борьбы, в коем уже, однажды, при Тихоне, едва не погибла наша Церковь, Св. Собор считает своим долгом обратить внимание верующих на те грозные последствия, к которым может привести подобная политическая деятельность заправил так назыв. тихоновщины, и выявить пред всем церковным народом истинный смысл непримиримости, обнаруживаемой тихоновской иерархией.

7. С своей стороны Св. Собор, считая исчерпанными все меры церковного убеждения, приходит к сознанию, что всякие дальнейшие призывы, обращенные к тихоновской иерархии, бесполезны, пока она не откажется от своей политической деятельности и не вернется к христианскому пониманию церковного долга»².

Итак, обновленческий Собор взял новый курс своего отношения к православным епископам: не убеждать, а разоблачать пред всем церковным народом их якобы преступную политическую деятельность. Русская Православная Церковь оказалась, таким образом, лицом к лицу с своим противником, постаравшимся бросить на ее иерархию тень политической неблагонадежности.

Первым, кто подпал разоблачению и нападкам со стороны обновленцев, был Патриарший Местоблюститель митр. Петр. О нем писали и говорили как о человеке, имевшем связь с заграничными монархистами и принадлежавшем к черносотенцам. Словом, он и другие активные епископы обвинялись в политических преступлениях. Следствием всех подобных обвинений было то, что митр. Петр и ряд других архиереев были удалены от управления Церковью и епархиями.

В качестве и. о. Патриаршего Местоблюстителя в управление Русской Церковью вступил митр. Нижегородский Сергей (Страгородский).

Это был один из видных иерархов Русской Церкви, которому суждено было стать впоследствии патриархом.

Митр. Сергей (в мире Иван Николаевич Страгородский) родился 11 янв. ст. ст. 1867 г. в семье священника г. Аразамаса Нижегородской епархии. Получив первоначальное образование в при-

¹ Вестн. Свящ. Сив. Прав. Росс. Церк., 1926 г., № 6, стр. 13.

² Постановление Св. Собора по докладу митр. Александра. См. там же, стр. 14.

ходском, а затем в Арзамасском духовном училище, он поступил в Нижегородскую духовную семинарию, полный курс которой окончил в 1886 году.

Учение духовной семинарией не ограничилось: Иван Страгородский волонтером поступает в Петербургскую духовную академию. Здесь он, наряду с получением богословских познаний, воспламеняется внутренним желанием посвятить себя на служение Христовой Церкви в монашеском чине. 30 января 1890 г. Иоанн принимает постриг с именем Сергия (в честь преп. Сергия Валаамского чудотворца), а затем посвящение в сан иеромонаха.

Окончив блестяще духовную академию со степенью канд. богословия, иеромонах Сергий отправился в Японию на служение в православной Миссии. В Японии он пробыл три года, неусыпно совершая труды по миссионерству.

Весной 1893 года иеромонах Сергий был переведен в Петербургскую духовную академию и назначен и. о. доцента по кафедре Свящ. Писания Ветхого Завета.

В том же году в декабре месяце он был перемещен на должность инспектора Московской духовной академии, а в следующем году назначен настоятелем Русской Посольской Церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита.

В 1895 году архим. Сергий защитил магистерскую диссертацию. С 1897 по 1899 гг. он снова трудится в качестве помощника начальника православной духовной миссии в Японии. Затем путь его направляется в духовную школу. В 1899 г. архим. Сергий был назначен сначала ректором Петербургской дух. семинарии, а затем инспектором академии.

В 1901 г. он был определен ректором той же академии и хиротонисан во еп. Ямбургского, третьего vicария Петербургской епархии, с оставлением в прежней должности.

В 1905 г. еп. Сергий назначается архиеп. Финляндским и Выборгским. 12 лет занимал северную кафедру умудренный жизненным опытом архиеп. Сергий.

В 1917 г. он был избран и назначен архиеп. Владимирским и Шуйским, а в 1924 г. определен митр. Нижегородским и Арзамасским. Таков был жизненный путь митр. Сергия до того момента, когда волей Божией он вступил в управление Русской Церковью в качестве исполн. обязанности Патриаршего Местоблюстителя.

С момента его вступления на арену церковной жизни всплыло новое, т. н. правое иерархическое течение, возглавляемое архиепископом Свердловским Григорием (Яцковским). Образовался григорианский Синод ВВЦС. Это был первый клин, вбиваемый в церковный организм с правой стороны. Началось новое расщепление церковного единства. Сама сущность григорианского раскола заключалась в том, что епископы, образовавшие ВВЦС, не пожелали признать канонической власти ни за митр. Сергием, ни даже за митр. Петром и, несмотря на то, что сами они насильственным образом восхитили права первоиерарха Поместной Церкви, при-

знали свой ВВЦСовет как единственно правомочный орган Управления Русской Православной Церкви. Однако жизненная действительность доказала всю шаткость и несостоятельность их канонического основания, и они на протяжении своего 10-летнего существования не создали свой церковный дом, а только всеми силами старались удержать его от разрушения.

Появление ВВЦС в лоне Русской Церкви оценивалось обновленцами именно как дробление тихоновщины, как распад единства тихоновской иерархии. Все это отвечало чаяниям обновленческого Синода, напрягавшего все свои силы на борьбу с Православием.

Время шло. И когда наступил 1927 год, то церковное единство с необычайной силой потрясло появление на фоне церковной жизни викторианства и носифлянства.

Отдельные иерархи, не дооценив взятый митр. Сергием новый курс церковной политики, усмотрели в его действиях измену Православию и подчинение Божьего кесареви. Этого было достаточно, чтобы создать оппозицию против Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и стать на путь разделения.

С появлением в Церкви нового течения увеличились и новые страдания в жизни Русской Православной Церкви.

Теперь уже терзали её недра не чужие члены, а свои, и именно те, кто считал себя «шибко православным».

Картина представлялась в самых мрачных красках. С одной стороны Патриаршую Церковь теснило обновленчество, а с другой — не давали покоя григорианство, викторианство и носифлянство. Единство церковное все дробилось и дробилось. Оно еще больше увеличилось, когда в начале 1928 г. от митр. Сергия отделился митр. Агафангел (Преображенский), образовавший с своими викариями т. н. «Ярославскую Церковную Область».

Наряду с этим, в среде русского православного епископата появились такие иерархи, которые, не примыкая ни к одному из появившихся расколов, старались обособиться от митр. Сергия и находиться в стороне от церковной жизни. К ним принадлежали архиереи т. н. «даниловского» и «мечовского» уклонов.

Особое место в числе указанных оппозиций митр. Сергию занимает оппозиция митр. Кирилла (Смирнова). Маститый иерарх и ревнитель единоличной церковной власти допустил сомнение в действиях Заместителя в образовании им Врем. Патриаршего Синода и усмотрел в этом прямое нарушение унаследованного от патриарха Тихона единоначалия в Церковном Управлении.

Сомнение завершилось отходом от подчинения митр. Сергию. Оппозиция митр. Кирилла явилась как бы заключительным звеном всех возникших ранее расколов. Если и появлялись впоследствии небольшие волнения в Церкви, то они носили кратковременный характер и большой опасности для единства церковного не представляли.

Такова краткая картина состояния Русской Церкви в этот период.

Как же действовал в такой безотрадной обстановке Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергей?

Ответим прямо, что он действовал мудро и терпеливо, с глубоким пониманием всей той ответственности, которая возлагалась на него, как на первоиерарха Русской Православной Церкви.

Первое, что входило в область его деятельности,— это установление нормальных отношений между Церковью и Государством¹.

Митр. Сергей прилагал все свои усилия к тому, чтобы достигнуть легализации Русской Церкви, иными словами, получить право на свободное устройство церковной жизни в новом Советском Государстве. Без этого он не мыслил дальнейшего существования Церкви при новом государственном строе.

Задача была не из легких. Главная трудность заключалась в том, что не все еще из православных дошли до ясного понимания самой легализации. Для многих она мыслилась не чем иным, как только подчинением Божьего кесареви, как измена Православию. Отсюда, естественно, всякий шаг, направляемый кем бы то ни было на сближение Церкви и Государства, уже расценивался ими как уклонение от истины.

Кроме того, многими русскими архиереями допускалась недооценка происходивших в России исторических событий, мешавшая им заглянуть вперед и точнее определить, в каких условиях, в правовых или же бесправных, надежнее сохранится и внешняя и внутренняя жизнь Церкви в обстановке нового государственного строя.

Митр. Сергей превозмог все эти трудности и смело вступил на путь легализации. Он стал выше большинства русских иерархов во взгляде на взаимоотношение Церкви и Советского Государства и в оценке церковно-политических событий. Митр. Сергей смотрел вперед. Он правильно определил, что в бесправном положении Русская Церковь долго существовать не сможет. Ее либо растерзают обновленцы, либо, уйдя в подполье, она превратится в сектантские общества. Все это ясно оценил митр. Сергей и, как мудрый иерарх, превозмогая все трудности, смело встал на путь создания прочной основы церковной жизни в условиях нового государственного строя.

Первая задача была выполнена. Но предстояла еще одна, не менее важная задача, чем первая,— сохранить незыблемо преемственно-каноническую структуру Высшего Церковного Управления и тем самым предохранить Русскую Церковь от дальнейшего распада, вносимого в церковную жизнь разными церковными группировками. Здесь-то и должен был митр. Сергей столкнуться лицом к лицу со всякого рода появившимися расколами, претендовавшими на первенствующую и руководящую роль в Церкви².

---

¹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. Изд. Московск. Патриархия, 1947 г., стр. 273.

² Патриарх Сергей и его духовное наследство. Изд. Московск. Патриархия, 1947 г., стр. 40.

Здесь же необычайно ярко выявилась его мудрость и особая тактика действия. Он не вел какой-либо решительной борьбы с расколами, но и не допускал по отношению к ним равнодушия. Он употреблял именно те меры действия, которые больше всего соответствовали положению и времени.

Митр. Сергей действовал по следующему принципу: когда он узнавал о появлявшихся раздорниках, то он сначала увещевал их, а затем, если они не раскаивались в своих заблуждениях, налагал на них строгие меры прещения — запрещал в священнослужении и лишал кафедры. К этому он добавлял выжидательность, т. е. в дальнейшем не входил в особую дискуссию с вождями расколов, а выжидал того момента, когда само время покажет всю несостоятельность позиции, занятой раскольниками. И эта тактика оправдалась. Русская Православная Церковь, управляемая митр. Сергием, сохранила себя от потопления, в то время как все отколовшиеся от нее потерпели полное кораблекрушение и погибли в волнах житейского моря. В этом и заключается величайшая заслуга митр. Сергия пред Церковью, наперед предусмотревшего подводные камни и опытной рукой прошедшего мимо них церковный корабль.

Итак, кратко обзрев состояние Русской Церкви в период заместительства митр. Сергия, мы приступим теперь к раскрытию нашей темы.

Областью нашего исследования являются церковно-иерархические группировки или церковно-религиозные расколы, возникшие в Русской Церкви в период с конца 1925 по 1930 годы.

Обновленческий раскол и расколы, появившиеся за пределами нашего Государства, мы опускаем совершенно, как составляющие предмет специального исследования. Мы берем только такие церковные течения, как-то: григорианский, носифлянский и ярославский расколы, затем викторианство и оппозицию митр. Кирилла (Смирнова).

Задачи, которые мы ставим настоящим исследованием, по своей внутренней цели, очень скромные, — они суть следующие:

1. Выяснение главных причин, порождавших расколы.
2. История или развитие расколов.
3. Каноническая оценка расколов.